

- ⁷¹ Архив ИИМК. Ф. 1. 1878 г. Д. 31. Л. 1–14.
- ⁷² Кротошкин В. В. Клады византийских монет...; *Он же*. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. М., 1965. Т. 26. С. 166–169.
- ⁷³ Кротошкин В. В. Клады византийских монет... С. 17.
- ⁷⁴ Домановский А. М. Причини нечисленності знахідок візантійських монет на території Давньої Русі IX–X ст. : Погляд з Візантії // Древности 2004 : Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2004. С. 70–75; Гуралева В. В. Псковская находка 1961 г. : (Золотая монета Константина Багрянородного) // Материалы и исследования Отдела нумизматики / Гос. Эрмитаж. СПб., 2005. С. 32–38.
- ⁷⁵ Noonan Th. S. The Circulation of Byzantine Coins in Kievan Rus' // Byzantine Studies. 1980. Vol. 7. Pt. 2. P. 143–180.
- ⁷⁶ Noonan Th. S. The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. 11. December. N 3–4. P. 398.
- ⁷⁷ Кулешов Вяч. С. Хронология обращения монет Халифата в Восточной Европе. С. 46–48; *Он же*. Хронология обращения исламских монет в Восточной Европе (конец IX – XI в.) // Нумизматические чтения ГИМ 2015 года : Памяти Нины Андреевны Фроловой (24.01.1936–20.10.2015), Москва, 30 ноября – 1 декабря 2015 г. : материалы докл. и сообщ. М., 2015. С. 73–76.
- ⁷⁸ Miles G. S. Byzantine Miliarion and Arab Dirhem : Some Notes on their Relationship // Museum notes. New York, 1960. Vol. 9. P. 189–218.
- ⁷⁹ Grierson Ph. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Washington D. C., 1973. Vol. 3. P. 62–68.
- ⁸⁰ Кротошкин В. В. Клады византийских монет... С. 24, № 45.
- ⁸¹ Vegler A., Zacos G. The Miliarion of Leo III // Numismatic Circular. London, 1963. Vol. 71. P. 162–164.
- ⁸² Кротошкин В. В. Клады византийских монет... С. 26, № 73.
- ⁸³ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Л., 1991; Кулешов Вяч. С., Гамзин А. А., Плавинский Н. А. Новые материалы к истории древнейшей русской геральдики : Восточноевропейские граффити с «молотками Тор» // Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина». Заседание 18 января 2012 г. / Гос. Эрмитаж ; сост. И. Д. Ермолаев, В. Г. Вилинбахов. СПб., 2012. С. 16.
- ⁸⁴ Кротошкин В. В. Клады византийских монет... С. 26, № 71.
- ⁸⁵ Дилиш Л., Кулешов Вяч. С. Монеты Укайлидов и Марванидов из Васьяковского клада в собрании Эрмитажа // СГЭ. 2016. [Вып.] 74. С. 145.
- ⁸⁶ Кротошкин В. В. Клады византийских монет... С. 25, № 60.
- ⁸⁷ Кулешов Вяч. С., Орлов К. В. От Закавказья до Ладоги : Серебряные слитки Алпабадского клада в собрании Эрмитажа // Русское денежное обращение в X–XVII вв. : Нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова. М., 2015. С. 22.
- ⁸⁸ Клад пока не издан. Младшие монеты клада фрагментированы, поэтому в ходе дальнейшей работы Вяч. С. Кулешова по определению этих фрагментов возможно незначительное изменение датировки сокрытия комплекса.
- ⁸⁹ Кротошкин В. В. Клады византийских монет... С. 32, № 163; Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Нумизматика, вып. 3. Л., 1967. С. 181–182, № 380. (СГЭ. [Г.] 10).
- ⁹⁰ Кротошкин В. В. Новые находки византийских монет... С. 186, № 132 (585); Добровольский И. Г., Потин В. М. Колодезский клад монет XI в. // Нумизматика в Эрмитаже : сб. науч. тр. Л., 1987. С. 142.
- ⁹¹ Добровольский И. Г., Потин В. М. Колодезский клад монет XI в. С. 142.
- ⁹² Кротошкин В. В. Клады византийских монет... С. 27, № 80; Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет... С. 133–134, № 170.
- ⁹³ Кротошкин В. В. Клады византийских монет... С. 25, № 56; Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет... С. 150–152, № 220.
- ⁹⁴ По классификации Ф. Андросчука это подражание относится к XI типу. См.: *Androschuk F. Images of Power...* P. 141–142.
- ⁹⁵ По классификации Ф. Андросчука это подражание относится к VII типу. См.: *Ibid.* P. 133–135.
- ⁹⁶ Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси : Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М., 2000. С. 134–135.
- ⁹⁷ Мусин А. Е. Археология Корсунской легенды : (Археологические комментарии к летописной статье 6496 года и корсунские древности на Руси) // Православные древности Таврики : сб. материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 146–154.
- ⁹⁸ Мусин А. Е. Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и «путь из варяг в греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы : К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова : [сб. ст.]. СПб., 2010. С. 35–45; Зайцев В. В. Новые находки античных и византийских монет на Брянщине // Нумизматический альманах. М., 2011. № 1 (42). С. 41–45.

И. В. Тункина, Е. Ф. Королькова

НАУКА И ЖИЗНЬ

К биографии Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт*

Человеческая жизнь коротка. Порой чья-то судьба попадает в водоворот событий и обстоятельств, над которыми не властна конкретная личность. Река времени уносит, как песчинку, целую жизнь, стирая ее следы и не оставляя памяти о ней. Иногда даже имя человека может затеряться в закоулках истории. Постепенно уходят в небытие все близкие люди, и пришедшие на смену поколения равнодушно смотрят на запечатленные на старых фотографиях никому не знакомые лица, даже не подозревая, кто на них изображен. Имена сохраняются лишь изданными научными трудами, которые в некоторых случаях оказываются в силу разных очень существенных причин совсем малочисленными, затерянными в библиографическом море. Биографии забытых людей как часть истории необходимо восстанавливать. Архивы хранят документы, позволяющие воссоздать запутанные сюжеты жизни ученых и трагические страницы истории науки.

Никто сейчас не помнит ничего конкретного о первой женщине, работавшей в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа¹, – антиковед, археологе и нумизмате Наталии Евгеньевне Гаршиной-Энгельгардт (1887–1930). Сохранились только две коллективные фотографии, на которых она запечатлена среди своих коллег в конце 1920-х годов² (ил. 1). В архиве Эрмитажа хранится силуэтный портрет Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт, сделанный Анастасией Васильевной Ухановой до 1925 года³ (ил. 2). Известно, что Наталия Евгеньевна была членом Русского археологического общества, самым молодым сотрудником Отдела нумизматики в начале 20-х годов XX века⁴, и это, пожалуй, все.

В ходе архивных поисков для составления справок к библиографическому словарю членов Императорского Русского археологического общества за всю историю его существования (1846–1924) нам удалось уточнить сведения о Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт и восстановить перечень ее научных работ, который оказался чрезвычайно коротким.

Она принадлежала к кругу интеллигенции, составлявшей цвет русской культуры и науки на рубеже XIX и XX веков, интеллектуальную элиту страны: многие родственники Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт имели самое прямое отношение к науке и оставили заметный след в разных ее областях. Не случайно в именном карточном каталоге Санкт-Петербургского филиала Архива РАН фамилия Гаршиных представлена весьма широко в сочетании с разными высокими научными званиями. Общество, в котором росла и вращалась Н. Е. Гаршина-Энгельгардт, несомненно, являлось средой, генерирующей национальную и культуру.

* Исследование И. В. Тункиной проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-99604.

Ил. 1. Сотрудники Отдела нумизматики. Фотография 1928 г. Государственный Эрмитаж
 Слева направо, сидят: Н. Е. Гаршина-Энгельгардт, А. А. Ильин, А. А. Сиверс, Е. М. Придик,
 Е. А. Соколова; стоят: А. А. Маркова, Ф. Г. Гаврилов, Н. П. Бауэр, А. А. Войтов,
 Р. Р. Фасмер, А. Н. Зограф, А. А. Быков; на заднем плане галерейные служители

Дворянский род Гаршиных имел давние корни и заслуги перед Россией. Герб этой фамилии представляет собой щит, на лазоревом поле которого изображен золотой крест с серебряными розами; рука в серебряных латах держит серебряный меч с золотой рукоятью. Геральдические элементы несут определенную символику: крест на голубом поле означает верность Отечеству, розы – дарование, рука с мечом – военную службу на благо родине⁵. В середине XIX века Гаршины породнились с родом Акимовых (девичья фамилия бабушки Н. Е. Гаршиной), в четырех поколениях которого было тринадцать морских офицеров. Герб Акимовых включает подкову – знак верной службы – и огнедышащего дельфина – указание на причастность к морской артиллерии⁶.

Н. Е. Гаршина-Энгельгардт была племянницей писателя В. М. Гаршина (1855–1888) и двоюродной сестрой патологоанатома, действительного члена Академии медицинских наук СССР Владимира Георгиевича Гаршина (1887–1956)⁷, известного не только своими профессиональными заслугами, но и тем, что его связывали близкие отношения с А. А. Ахматовой, едва не переросшие в брак. Именно В. Г. Гаршину посвящены многие ахматовские поэтические строки⁸. В течение нескольких лет он был для А. А. Ахматовой «утешением самых горьких дней» и, вероятно, самым близким человеком. В. Г. Гаршин дружил с семьей Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт, с ее мужем и их окружением, включавшим в себя литературоведов, писателей и ученых. Мало кому известно, что благодаря В. Г. Гаршину нумизматическое собрание Эрмитажа пополнилось редким экземпляром: в 1949 году академик купил специально для подарка Эрмитажу персидскую монету с русской надчеканкой – сребреник Владимира⁹.

Отец Наталии Евгеньевны, Евгений Михайлович Гаршин (1860–1931), был младшим братом знаменитого писателя и оставил след в истории как литературный критик, мемуарист, педагог, издатель. Он являлся членом-сотрудником РАО (30.10.1886) и членом-корреспондентом Общества любителей древней письменности, где исполнял обязанности библиотекаря и хранителя музея. Е. М. Гаршин родился в Харькове в дворянской семье, учился на историко-филологическом факультете Харьковского университета (1879–1881), откуда перевелся в Петербургский университет (1881–1884), после окончания которого слушал лекции в Петербургском археологическом институте. С 1886 года он преподавал русскую словесность в реальном училище и гимназии Я. Г. Гуревича, с 1887 года – еще и в Литейной женской гимназии в Петербурге. В 1892 году Е. М. Гаршин стал издавать журнал «Русское богатство». В начале XX века он был назначен директором Таганрогского коммерческого училища (1901–1911), организовал общеобразовательные и педагогические курсы для народных учителей Таганрогского округа и Области Войска Донского. Вскоре после смерти А. П. Чехова Е. М. Гаршин инициировал создание «Чеховского кружка» и музея «Домик Чехова» в Таганроге. В 1911 году педагог был переведен в Симферополь и стал директором Коммерческого училища Симферопольского купеческого общества, дослужившись до чина действительного статского советника. С 1878 года Е. М. Гаршин печатался в газетах «Харьков», «Голос», «Биржевые ведомости», в журналах «Отечественные записки», «Исторический вестник», «Русское богатство», «Русская школа», «Звезда», «Вестник изящных искусств», «Новое время» и др. Помимо публицистических сочинений и статей для «Энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона» Е. М. Гаршин издал ряд научно-популярных брошюр, пособий и путевых очерков, в том числе по археологии¹⁰, написал историческую повесть «Дети Крестоносцы» (1891), выступил в качестве переводчика романа Ж. Д. Нерваля «Король шутов» (1889). Как общественный деятель он состоял гласным Ялтинского земства, принимал участие в Общеземском съезде по народному образованию в Москве (1911). После революционные годы Е. М. Гаршин провел в Петрограде – Ленинграде, в 1922 году передал Пушкинскому Дому часть архива брата и был принят в Рукописное отделение Пушкинского Дома как сверхштатный научный сотрудник для описания этих материалов (1922–1929), затем вышел на пенсию¹¹. Е. М. Гаршин на год пережил свою дочь.

Славное прошлое и заслуги предков не смогли оградить Гаршиных-Акимовых от трагического рока, преследующего эту семью. Большинство ее представителей отличала душевная обнаженность, наследственно тонкая и ранимая психика. Суицида

Ил. 2. А. В. Уханова (1885–?). Портрет-силуэт Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт. 1925 г. Государственный Эрмитаж

стал причиной смерти трех старших братьев Евгения Михайловича Гаршина, в том числе и отца Владимира Георгиевича Гаршина. Один из наиболее выдающихся представителей поколения русских литераторов 1870-х годов, В. М. Гаршин лечился от маниакально-депрессивного психоза и покончил жизнь самоубийством, бросившись в пролет лестницы в 1888 году. Два его старших брата – Виктор и Георгий Гаршины – застрелились. Покончил с собой и брат бабушки Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт с отцовской стороны, Д. С. Акимов¹².

Но вернемся к реконструкции биографии героини статьи. Н. Е. Гаршина родилась 2 ноября (по старому стилю) 1887 года в Петербурге, в 1903 году с золотой медалью закончила семь классов Вологодской Мариинской женской гимназии. Она продолжила образование как вольнослушательница философского факультета Венского университета (1905–1906), где изучала немецкую философию. После возвращения на родину Н. Е. Гаршина училась на историко-филологическом отделении Высших женских (Бестужевских) курсов по кафедре всеобщей истории (1907–1913) и специализировалась на древней истории и классической археологии. Н. Е. Гаршина была оставлена М. И. Ростовцевым по кафедре истории Древнего Рима и продолжила заниматься на Высших женских курсах в семинариях по римской истории и искусству и классической археологии (1913–1914). С 1912 года она изучала классическое наследие в хранилищах Отделения древностей Эрмитажа под руководством Е. М. Придика и О. Ф. Вальдгауэра, а весной 1914 года занималась в Нумизматическом отделении Эрмитажа под руководством А. К. Маркова и С. А. Гамалова-Чураева.

Для получения диплома о высшем образовании Н. Е. Гаршина выдержала экзаменационные испытания в Петроградском университете по историческому отделу и успешно сдала государственные экзамены. В качестве зачетной работы она представила описание двух римских портретных бюстов из собрания Эрмитажа¹³ и была удостоена диплома I степени Петроградского университета (1914). В 1916–1917 годах Н. Е. Гаршина изучала древности юга России, участвовала в раскопках в Херсонесе и Керчи, на Таманском полуострове, в Симферополе. Поэтому не случайным было ее избрание сначала членом-сотрудником (2.11.1916), а затем действительным членом (10.10.1922) Русского археологического общества. В фонде РАО упомянут ее доклад «Античная камея *Capita jugata Augusti et Liviae*»¹⁴, который она сделала 22 июня 1922 года в Нумизматическом отделении.

Вся последующая жизнь Н. Е. Гаршиной была связана с Эрмитажем (1917–1930), куда ее приняли в сентябре 1917 года, причислив к Отделению древностей сначала без содержания (1917). С зимы 1918 года она стала ассистентом хранителя Отдела древностей¹⁵, исполняя обязанности библиотекаря Отделения нумизматики.

В 1918 году Н. Е. Гаршина вышла замуж за блестящего теоретика литературы, философа, филолога, литературоведа и переводчика Бориса Михайловича Энгельгардта (1887–1942), представителя известной дворянской семьи, из которой вышли выдающиеся военные и литераторы. По иронии судьбы мужем Ахматовой едва не стал двоюродный брат Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт, между тем вторая жена Н. С. Гумилева, А. Н. Энгельгардт (1895–1942), приходилась двоюродной сестрой Б. М. Энгельгардту.

С момента замужества в документах личного дела Н. Е. Гаршина фигурирует или под двойной фамилией, или под фамилией Энгельгардт.

Время Гражданской войны для жителей Петрограда было испытанием, сравнимым с блокадными днями. Голод стал реальностью. В этот период – с конца мая 1918 года и в 1919-м – Н. Е. Гаршина-Энгельгардт неоднократно испрашивала разрешение на отпуск на длительные сроки, до полугода, по состоянию здоровья (в медицинской справке, приложенной к заявлению 1918 года, указаны малокровие, туберкулез и беременность)¹⁶ и по полгода жила в имении тетки, вдовы писателя В. М. Гаршина, земского врача Надежды Михайловны Гаршиной (урожд. Золотиловой; 1859–1942) в селе Кувшиново Вологодской губернии. Именно в имении дяди-писателя прошло ее детство, и здесь, в Вологде, она познакомилась со своим будущим мужем, Б. М. Энгельгардтом. Известно, что в то время ее тетка, Н. М. Гаршина, служила ординатором в Вологодской психиатрической больнице (1911–1921).

За сухими строчками служебных записок и канцелярскими формулировками заявлений, справок и приказов, хранящихся в архивных личных делах, вырисовываются подлинные человеческие драмы, боль и трагедия «социальной прослойки», которая в действительности была мощным «культурным слоем», доставшимся советской России в наследство от дореволюционной эпохи. И этот слой катастрофически и мучительно таял в течение нескольких десятилетий. Судя по скудным сведениям документов, Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт не суждено было стать матерью, так как из членов семьи упоминаются только она, ее муж и свекровь.

С конца февраля 1919 года Н. Е. Гаршина, находившаяся в отпуске, числилась научным сотрудником Отдела древностей Эрмитажа без содержания. Вернувшись в Петроград, она с 28 июня 1920 года значится как ассистент¹⁷, а с 8 марта 1926 года – как помощник хранителя Отделения античных (римских) монет Отдела нумизматики и глиптики¹⁸.

Темой научных исследований Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт стала иконография римского портрета в изображениях на монетах. Согласно ее личному делу¹⁹, помощник хранителя отделения классических монет Отдела нумизматики и глиптики Н. Е. Гаршина-Энгельгардт в сентябре 1926 года была командирована Государственным Эрмитажем в Крым для «посещения музеев Севастополя и его окрестностей», в октябре 1928 года – в Гатчину для изучения собрания римского портрета и портретных изображений на римских монетах II–III веков. В документах фонда О. Ф. Вальдгауэра сохранился недатированный черновой автограф работы Н. Е. Гаршиной «Портрет Каракаллы в Гатчине (материалы по описанию гатчинской скульптуры)»²⁰. Три ее статьи посвящены римским портретным изображениям на предметах глиптики эрмитажного собрания²¹.

Судьба Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт и Б. М. Энгельгардта могла бы стать сюжетом романа о русской интеллигенции в постреволюционной России – столь характерно для этого времени и столь трагически складывались обстоятельства их жизни.

Сведения о Б. М. Энгельгардте мы почерпнули из собственноручно написанного им *Curriculum vitae* от 30 октября 1920 года и списка трудов, хранящегося в фонде Пушкинского Дома в академическом архиве²². Б. М. Энгельгардт родился в родовом имении Батищево Дорогобужского уезда Смоленской губернии, среднее образование получил дома и в седьмом – восьмом классах Санкт-Петербургской 7-й гимназии, высшее – на философских факультетах Гейдельбергского и Фрейбургского университетов в Германии (четыре семестра в 1909–1911 годах), занимался теорией познания, методологии и эстетики у философов-неокантианцев, затем продолжил образование на историко-филологическом факультете Петроградского университета, который закончил в 1915 году.

В 1916 году он был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре русского языка и словесности профессорами И. А. Шляпкиным и С. А. Венгеровым, при которой состоял и в 1917 году²³. Зимой 1918/19 года Б. М. Энгельгардт преподавал в Вологодском учительском институте, затем вернулся в Петроград и был избран преподавателем Института живого слова (1919), где читал «введение в эстетику слова». Осенью 1919 года «приступил к чтению лекций в Государственном Российском институте истории искусств, где занял кафедру теории поэзии» с марта 1920 года как профессор литературы (до 1925 года), читал там курс «методологии истории литературы»²⁴. Одновременно Б. М. Энгельгардт был научным сотрудником первого разряда НИИ сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Петроградском (Ленинградском) университете. Именно Б. М. Энгельгардт летом 1920 года стал посредником между вдовой писателя В. М. Гаршина Надеждой Михайловной Гаршиной (1859–1942) и Пушкинским Домом при безвозмездной передаче «архива, вещей и предметов обстановки» из кабинета писателя в вологодском имении Кувшиново для организации там «уголка имени В. М. Гаршина»²⁵. Молодой ученый уже тогда являлся членом Общества любителей российской словесности и членом Правления Пушкинского общества (1922–1924).

Б. М. Энгельгардт, «оставленный при Петроградском университете», по решению Правления РАН с 1 октября 1920 года был принят в Пушкинский Дом научным сотрудником без содержания «для работ по описанию рукописей», а с 1 ноября 1920 года утвержден в штатной должности научного сотрудника второго разряда, в которой проработал до 1 июля 1923 года. Он был уволен по собственному желанию и переведен в сверхштатные сотрудники, фактически работая в Пушкинском Доме без содержания до ноября 1929 года. С 1 июля 1924 года Б. М. Энгельгардт служил в Библиотеке РАН – АН СССР сначала библиотекарем, затем, с 13 ноября 1925 года, научным сотрудником первого разряда, ученым библиографом, научным сотрудником Рукописного отдела и числился таковым вплоть до ареста по «академическому делу» и увольнения с 16 января 1931 года с формулировкой «как находящегося под арестом два месяца», то есть с 16 ноября 1930 года²⁶.

Послереволюционный быт русской научной интеллигенции был не просто тяжел: бедность на грани нищеты и отсутствие элементарных жизненных благ стали фактически нормой существования. Сохранилось ходатайство дирекции Пушкинского Дома за подписью директора академика Н. А. Котляревского и старшего ученого хранителя Б. А. Модзалевского в Комиссию по улучшению быта ученых с просьбой о спасении от голодной смерти семьи Гаршиных-Энгельгардт. Оно заслуживает полной публикации.

«№ 3252, 27 ноября 1920

Отношением из 3 ноября за № 3220 Пушкинский Дом ходатайствовал перед Комиссией о назначении ученого пайка своим научным сотрудникам Б. М. Энгельгардту и Н. В. Измайлову. Из них первый, Б. М. Энгельгардт, внесен ныне Комиссией в список кандидатов *второй очереди*; между тем он в течение нескольких уже лет страдает туберкулезом легких, и болезнь его то улучшается, то снова ухудшается. С переездом Б. М. Энгельгардта нынешним летом в Петербург из Вологды, где он проводил прошедший год, процесс в легких значительно ухудшился, и в настоящее время состояние его здоровья внушает серьезные опасения. Комиссии хорошо известно, как важно в такие периоды усиленное питание больного: в этом иногда единственная надежда на его спасение. Поэтому Пушкинский Дом еще раз ходатайствует о срочном включении Б. М. Энгельгардта в число получающих паек и о выдаче ему норвежских питательных продуктов. Как

высокоталантливый молодой ученый, оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию, приступивший уже к держанию магистерских экзаменов, автор многих солидных научных работ по истории литературы и теории творчества и даровитый лектор, Б. М. Энгельгардт имеет безусловное, предпочтительное перед многими право на ученый паек, тем более что в настоящее время тяжело больна его жена (магистрантка университета), страдающая туберкулезом в ноге и прикованная этой болезнью к постели. Свидетельство врачей о болезни своей и своей жены могут быть представлены Б. М. Энгельгардтом, если бы Комиссия пожелала их иметь, немедленно»²⁷.

В Пушкинском Доме Б. М. Энгельгардт занимался подготовкой к изданию полного собрания сочинений А. Н. Толстого²⁸, исследовал творчество И. А. Гончарова, А. С. Пушкина, А. А. Блока, Ф. М. Достоевского, участвовал в коллективных трудах²⁹, сотрудничал с «Литературным наследством». Основные его работы вышли в Петрограде – Ленинграде в 1920-х годах: «В пути погибший (очерк творчества А. Блока)» (1921), «И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома» с предисловием и примечаниями Б. М. Энгельгардта (1923), «Александр Николаевич Веселовский» (1924), «Формальный метод в истории литературы» (1927), причем многие из них переиздаются до сих пор³⁰.

Из документов известны адреса, по которым Энгельгардты жили в Петрограде: в октябре 1920 года – Минский переулок, д. 1, кв. 4; весной 1921 г. Б. М. Энгельгардт указал уже другой адрес – Мойка, 21³¹. Третий адрес указан Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт в собственноручно заполненной ею анкете Комиссии по составлению справочника «Наука в России» при РАН, относящейся к началу 1920-х годов. Наталия Евгеньевна там пишет: «Энгельгардт, урожденная Гаршина, действительный член РАО, оставленная при университете, ассистентка Нумизматического отдела Эрмитажа. Специальность: История искусств. Классическая археология. Римская иконография. Нумизматика и глиптика. Адрес: Петроград, Васильевский остров, 3 линия, д. 18, кв. 6». В анкете названы только две ее научные работы: уже упоминавшаяся статья «Два римских портретных бюста из собрания Эрмитажа» и «„Античная камея с портретом Августа и Ливии“ (III-й сборник Эрмитажа (печатается))»³². Частая смена адресов за короткий период, несомненно, свидетельствует о нестабильности житейских условий.

Энгельгардтов не миновала и другая беда, столь типичная для людей их круга в это жестокое время. Б. М. Энгельгардт был арестован по «академическому делу» 14 ноября 1930 г. и уже 10 февраля 1931 г. осужден на 10 лет лагерей³³.

Жизнь Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт закончилась трагически: после ареста мужа по «академическому делу» Наталия Евгеньевна покончила с собой – 17 ноября 1930 года³⁴ она бросилась в лестничный пролет, повторив судьбу своего дяди, В. М. Гаршина³⁵.

В личном деле Б. М. Энгельгардта, хранящемся в Санкт-Петербургском филиале Архива АН (начато 1 февраля 1924 года), указано, что с 16 ноября 1930 года он «находится под арестом». Приговор смягчили, заменив лагерь ссылкой с работой на строительстве Беломоро-Балтийского канала. После ссылки Б. М. Энгельгардт вернулся сначала в Малую Вишеру, затем в Ленинград, где жил без прописки со второй женой, Л. М. Андриевой (1900–1942), и занимался исключительно переводами произведений Ч. Диккенса, Мольера, В. Скотта, Дж. Свифта, Стендаля, Ги де Мопассана, Ч. Мэтьюрина, К. Форлендера, В. Вундта, Б. Прейера, В. Штерна³⁶. Другими Энгельгардтов были Л. Гинзбург, М. Лозинский, Ю. Н. Тынянов, В. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум, А. А. Ахматова.

Недаром сын А. А. Ахматовой Л. Н. Гумилев называл Энгельгардтов «лучшими людьми России»³⁷. Б. М. Энгельгардт умер в январе 1942 года в блокадном Ленинграде³⁸, его вторая жена пережила его на несколько дней.

В дневниках Л. М. Андриевской сохранились сведения о Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт: «От одной <фотографии> мне трудно оторвать свой взгляд. Это карточка его первой жены, та самая, которая „сияла“ на его столе в квартире на Васильевском острове, тогда, когда еще она была жива, и он без оглядки был предан ей... Прелестное, женственное лицо... Я помню ее улыбку и розовые краски и большие внимательные глаза – такие молодые еще – и контраст: седые косы, лежащие короной на голове»³⁹.

Н. Е. Гаршина-Энгельгардт никогда не отличалась крепким здоровьем и была склонна к депрессии, ставшей причиной столь многочисленных самоубийств в ее семье⁴⁰. После ареста мужа она не могла справиться с охватившим ее отчаянием, однако, как сообщает в своем дневнике знавшая эту историю со слов близких вторая жена Б. М. Энгельгардта поэтесса Л. М. Андриевская, «катастрофа началась с момента ареста Бориса... <...> Она умерла. И он этого еще не знает. Она покончила с собой... Она была совершенно спокойна в те дни, говорят. Признаков „приступа“ ее болезни никто из родных не заметил. Она говорила так рассудительно: „Я понимаю, что я должна держать себя в руках. Я нужна ему, чтобы делать ему передачи. Вы видите, я совершенно спокойна, и я думаю только о том, как и что нужно придумать для него. Ведь это он в тюрьме, а я на свободе“»⁴¹.

Последняя запись в личном деле Н. Е. Гаршиной-Энгельгардт – распоряжение № 49 от 14 января 1930 года: «...считать освобожденной от занимаемой должности помощника хранителя отделения классической нумизматики Энгельгардт Н. Е. с 5 января 1930 г. Основание КЗОТ – параграф 47» (по формулировке этого параграфа в законодательстве того времени – «в связи с невозможностью исполнять свои обязанности»)». Никакие подробности в документе не сообщаются. Возможно, увольнение из Эрмитажа было связано с развитием ее психического заболевания.

Эта трагическая линия жизни невольно вызывает ассоциацию с поэтической строчкой из стихотворения Арсения Тарковского: «Когда судьба по следу шла за нами, как сумасшедший с бритвою в руке»...

Гнетущей моральной атмосферой эпохи и политическими причинами, приведшими Н. Е. Гаршину-Энгельгардт к смерти, можно объяснить то обстоятельство, что тогда ей не было посвящено ни одного некролога. Это привело к практически полному забвению ее имени даже в кругах специалистов.

¹ Потин В. Н., Шуккина Е. С. Отдел нумизматики // Эрмитаж : История и современность. Л., 1990. С. 199–214. О Гаршиной-Энгельгардт см. на с. 205–206.
² См.: Спасский П. Г. Нумизматика в Эрмитаже : Очерк истории Минцкабинета – Отдела нумизматики // НЭ. М., 1970. Вып. 8. С. 207; Потин В. Н., Шуккина Е. С. Отдел нумизматики. С. 205; Лепехина Е. В. Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа в первые послевоенные годы : (К истории формирования системы учета и хранения нумизматических памятников) // Материалы и исследования Отдела нумизматики : Памяти А. А. Марковой. СПб., 2009. (ПЭ. [Г.] 48). С. 20.

³ А. В. Уханова (род. 1885) в 1916 г. поступила в Академию художеств в Петрограде, в 1917–1921 гг. изучала историю искусств в Институте истории искусств, работала научным сотрудником в Эрмитаже с 1920 по 1933 гг. и в 1942–1943 гг. Оставила целый ряд графических портретов сотрудников Эрмитажа. Силуэтный портрет и подготовительный контурный рисунок в профиль Н. Е. Гаршиной хранятся в архиве Государственного Эрмитажа в Книге случайных поступлений. Ф. 5. Д. 17. Оп. 3. 1925 г.

⁴ Спасский П. Г. Нумизматика в Эрмитаже. С. 202.

⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 825; Оп. 49. Д. 345.

⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 709, 710, 725.

⁷ Некролог // Архив патологии. 1956. № 5. С. 139–140.

⁸ См.: Петербург Ахматовой : Владимир Георгиевич Гаршин / сост. и коммент. Т. С. Поздняковой. СПб., 2002.

⁹ Спасский П. Г. Нумизматика в Эрмитаже. С. 228.

¹⁰ Гаршин Е. М. Новгородские древности : Археологический эскиз с 8-ю видами. СПб., 1886; 2-е изд. СПб., 1887; 3-е изд., доп. СПб., 1890; *Он же*. Общественное и воспитательное значение археологии : Речь, сказанная на акте в Санкт-Петербургской гимназии Гуревича 20 сентября 1887 г. СПб., 1887; *Он же*. Курганы, их раскопки, исследование и нахождение кладов. СПб., 1888.

¹¹ Подольская П. П. Гаршин Евгений Михайлович // Русские писатели, 1800–1917 : биогр. словарь. Т. 1 : А–Г. М., 1989. С. 529–530; Пушкинский Дом : Материалы к истории, 1905–2005. СПб., 2005. С. 53.

¹² Галачьян А. Н., Юдин Т. П. Опыт наследственного биологического анализа одной маниакально-депрессивной семьи // Русский евгенический журнал. 1924. Т. 1. Вып. 3–4. С. 321–342.

¹³ Опубликована: Гаршина Н. Е. Два римских портретных бюста II в. по Р. Хр. из собрания Эрмитажа // Записки Классического отделения РАО. СПб., 1917. Т. 9. С. 244–273.

¹⁴ НА ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 380. Л. 15 об.; Д. 453. Л. 126.

¹⁵ АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 974; Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. 1 : 1917–1919 годы. СПб., 2001. С. 19, 35.

¹⁶ АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 974; Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. 1. С. 49, 109, 318.

¹⁷ Пиотровский Б. Б. История Эрмитажа : Краткий очерк. Материалы и документы / вступ. ст. и общ. ред. М. Б. Пиотровского. М., 2000. С. 309; Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. 2 : 1920–1926 годы. СПб., 2009. С. 153.

¹⁸ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. 2. С. 807.

¹⁹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 974.

²⁰ Мавлеев Е. В. Вальдгауер. СПб., 2005. (Страницы истории Эрмитажа). С. 143.

²¹ Гаршина-Энгельгардт Н. Е. Новая камея Эрмитажа // Сборник Эрмитажа. Л., 1925. Вып. 3. С. 34–40; *Она же*. Керченская камея с портретом Друза Младшего // Сб. ст. в честь С. А. Жебелева. Л., 1926. С. 252–264. (На правах рукописи, ОР РНБ); *Она же*. Портрет Альбина на инталье эрмитажного собрания // Античный портрет : сб. ст. : посвящается О. Ф. Вальдгауеру. Л., 1929. С. 112–116; *Garschin von Engelhardt N. Eine kertscher Kamee mit dem Bildnis Drusus des Jüngeren // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin, 1926. Bd. 41. H. 3–4. S. 239–246.*

²² СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1–1918. Д. 3. Л. 253–254 об.

²³ Там же. Л. 253.

²⁴ Там же. Оп. 1–1920. Д. 4. Л. 18.

²⁵ Пушкинский Дом : Материалы к истории. С. 53.

²⁶ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1883. Л. 18–19; Трудовой список 1927 г. // Там же. Д. 5952; Там же. Ф. 150. Оп. 1–1918. Д. 3. Л. 212, 230, 253–254; Оп. 1–1920. Д. 5. Л. 111–112; Оп. 1–1929. Д. 32; Ф. 4. Оп. 4. Д. 1883. Л. 6; Пушкинский Дом : Материалы к истории. С. 101.

²⁷ Отпуск. Автограф Б. А. Модзалевского // СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1–1918. Д. 3. Л. 251–252.

²⁸ Пушкинский Дом : Материалы к истории. С. 550.

²⁹ Историзм Пушкина : К вопросу о характере пушкинского объективизма // Пушкинист : Ист.-лит. сб. / под ред. С. А. Венгерова. Пг., 1916. Вып. 2. С. 1–158; Неизданный Пушкин : Собрание А. Ф. Онегина. Пг., 1922; Радуга : Альманах Пушкинского дома. Пг., 1922.

³⁰ Энгельгардт Б. М. Избранные труды / под ред. А. Б. Муратова. СПб., 1995; *Он же*. Феноменология и теория словесности / сост., предисл., послесл., науч. коммент. А. Б. Муратова. М., 2005. (Филологическое наследие).

³¹ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1883. Л. 6; Ф. 150. Оп. 1–1918. Д. 3. Л. 254 об.; Оп. 1–1920. Д. 4. Л. 2, 18.

³² Гаршина-Энгельгардт Н. Е. Новая камея Эрмитажа; СПФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 793. Л. 91.

³³ Перчѐнок Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья : ист. альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 223, 230; Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. (Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1). С. VII, 173; Брачев В. С. «Дело историков» 1929–1931 гг. СПб., 1998. С. 124.

³⁴ Сведения о дате смерти Н. Е. Энгельгардт получены в Отделе формирования, хранения, учета и использования архивных документов Комитета по делам ЗАГС Правительства Санкт-Петербурга в 2016 г. Акт, запись № 2100 от 19.11.1930 г.

³⁵ Петербург Ахматовой : Владимир Георгиевич Гаршин. С. 215.

³⁶ Пушкинский Дом : Материалы к истории. С. 550.

³⁷ Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. С. 242–243.

³⁸ Пушкинский Дом : Материалы к истории. С. 550.

³⁹ Фрагменты дневников Л. М. Андриевской опубликованы в кн.: Петербург Ахматовой; Позднякова Т. С. Виновных нет : (Ахматова и Гаршин) // <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/prozdnyakova-vinovnyh-net.htm>

⁴⁰ Галачьян А. Н., Юдин Т. П. Опыт... С. 321–342.

⁴¹ Цит. по: Позднякова Т. С. Виновных нет... С. 215–217. Примеч. 71, 95.

⁴² АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 974. Л. 87.